

Ф. Ницше о воле к власти и поиске новых ценностей

Т. В. Торубарова

доктор философских наук, профессор, Московский государственный технический университет им. Н. Э. Баумана. Россия, г. Москва; Курский государственный университет. Россия. г. Курск.
E-mail: ttorubarova@rambler.ru

Аннотация: В статье раскрывается суть «воли к власти» Ф. Ницше как «принципа новой оценки». Отмечается, что принцип новой оценки призван определить жизнь в ее сущностной основе, а ценности этой жизни – ее перспективные условия. Если бытие понимается как воля к власти и могуществу, то сама эта воля есть основа и сфера всех ценностей. В такой перспективе автором осмысливается сущность реальности, фундаментальным измерением которой становится нигилизм, устраняющий различие между истиной и неистинной. Истина как ценность проистекает из истины, имеющей характер достоверности. Разъясняется, что с характеристикой истины как ценности сущность истины заключается уже не столько в соответствии реальности или согласованности, сколько в приспособляемости каждого субъекта образцу или стандарту, который используется самим субъектом и диктуется самой природой субъекта. Субъект, обеспечивающий себя гарантией существования в силу изначально присущего ему мышления, в метафизике Ницше понимается как универсальная воля, и критерий истины теперь состоит в увеличении могущества. Разъясняется, что воля к власти в поиске новых ценностей всегда присутствует, балансируя на грани безумия. Этот поиск движим ее внутренним противоречием – обретения и утраты своей истины. Уполномочивание бытия как воли к власти свидетельствует об экспликации этого бытия, но равным образом и об его утрате. Автор приходит к выводу, что такого рода отчуждение порождает господство телесной детерминации, в которой правит уже невменяемость, а понятие воли становится более широким в своем динамизме, подчиняющем себе мировой порядок на основе утверждаемых ею ценностей.

Ключевые слова: воля к власти, ценности, нигилизм, метафизика, бытие, ничто, переоценка.

Ценностный план мышления связан с формированием такого рода понимания бытия, в котором ключевым становится действенное, волевое измерение, задающее отношение человека ко всему сущему с позиции силы и власти. Понимание мира через апелляцию к идеям и ценностям зреет в лоне новоевропейской метафизической позиции, в которой бытие понимается как сознание, и в качестве своего метафизического истока коренится в мысли Ф. Ницше, что воля к могуществу связана с постоянной переоценкой ценностей. Все это вводит новое измерение бытия – бытия как воли к власти. Воля к власти – это «перспектива», которая в своем разворачивании намечает условия своего сохранения и возрастания внутри собственного становления. Условиями осуществления такого рода перспективистского плана экспликации бытия являются ценности. «Ницше определил задачу будущей метафизики как переоценку всех ценностей, как новое самосознание в форме воли к власти» [1, с. 354].

Ф. Ницше предпринимает критику возможности метафизической трансценденции. Вместо метафизики он говорит о «гипофизике». Это новая «топология», или чувство места, ориентирована на поиск значения высших смыслов в терминах низших, т. е. света в терминах тьмы. Такого рода переориентацию Ницше усматривает в возвращении к раннему греческому опыту, который был заменен платоновско-христианской онтологией, устремленной к метафизическому. Преобладающую часть философской и теологической традиции он рассматривает как эксцентрическую. Переориентация вокруг истинного центра требует ниспровержения центра ложного. Необходимо возвратиться к истинному центру от того источника, который ведет к «декаденству» и «нигилизму» как его последствию. Нигилизм внутренне присущ

трансцендентально ориентированной онтологии, так как она обесценивает все сущее. Метафизическое призвано обесценивать конечный и феноменальный опыт. «Задача Ницше – это задача великой культурной переоценки» [11, р. 15]. Условием для реабилитации феноменального мира в качестве самоцентра и самооснования является критическое разрушение метафизического бытия, которое оставляет после себя лишь Ничто, абсолютный нигилизм. В связи с этим важно обратить внимание на знаменитую фразу Ницше, которой он культивирует уже достигнутое развитие, говоря иногда об убийстве Бога. Человек «убил Бога» – то есть осуществлен акт разъединения священного от секулярного, Бытия от Времени, этот акт своим неизбежным следствием имел изгнание бытия в сферу, которая недоступна человеческому, так как эта сфера определяется устранением из нее всех феноменальных предикатов, в терминах которых выступают доступные нам значения и распознаваемые смыслы. Чистое Бытие, как говорил Гегель, есть чистое Ничто. То, что Ницше рассматривает как необходимое, есть инверсия первоначальной инверсии: если Бытие становится Ничто, то Ничто оказывается Бытием. Если по отношению к метафизической сфере феноменальный мир редуцируется к ничто, то когда сама эта сфера редуцируется к ничто, тогда остается только феноменальный мир как возможное место Бытия.

Ницше доказывал, что реальным источником значения и ценности всегда был человек, «дающий оценку». Человек должен быть признан неизбежной точкой отчета, мерилom какого-либо значения и ценности. Ценность и оценка имеют место в той мере, в какой человек оценивает и оценивается, тем самым является означающим и оценивающим. Таким образом, в акте собственного признания и самоутверждения он конституирует феноменальный мир как истинный, т. е. как объективное воплощение значений и ценностей, какими он его наделяет. Даже ничто есть человеческое значение, но когда человек утверждает себя в качестве оценивающего и, следовательно, свой мир как оцениваемый, тогда становление получает штамп Бытия.

Слоган Ницше «Бог умер» – это формула нигилизма метафизического порядка. Если метафизика есть постижение всего сущего в его собственной сущности, то для Ницше интерпретация вещей имеет характер поиска подлинных ценностей. Бог, сверхчувствительный или метафизический мир, разного рода идеалы, – все это высшие традиционные ценности, которые не могут быть осуществлены в действительном мире повседневного человеческого опыта. Ницше говорит о девальвации всех традиционных ценностей; с другой стороны, необходимо новое понимание бытия как необходимый способ преодоления нигилизма в целом. Речь идет не просто о замене традиционных ценностей новыми. Необходимо разрушение всей «фабрики» порождения привычных ценностей, девальвация которых может быть только переоценкой их на основе нового принципа ценностей и новой оценки вообще. Мир сверхчувственного неприятием, поэтому надлежащим принципом должна быть жизнь, сама жизнь как таковая. «Телесные функции принципиально в миллион раз важнее, чем все красивые состояния и вершины сознания: последние представляют лишнее украшение, поскольку они не являются орудиями для упомянутых телесных функций. Вся сознательная жизнь, дух вместе с душой, вместе с сердцем, вместе с добротой, вместе с добродетелью, на чей же службе они состоят? На службе у возможного большего совершенствования средств (средств питания, средств подъема), т. е. основных животных функций, – прежде всего, на службе у подъема духа жизни.

«То, что называем “телом” и “плотью”, имеет неизмеримо большее значение: остальное есть незначительный придаток. Прясть дальше всю нить жизни, и притом так, чтобы нить делалась все прочнее, – вот истинная задача» [2, с. 367].

Собственная метафизика Ницше становится, таким образом, философией жизненной силы, требующей преодолеть нигилизм своего времени нигилизмом более высокого порядка, имеющим в некотором смысле положительный характер. Сущность нигилизма заключается не просто в отрицании тех или иных ценностей, которые мы считаем высшими, а прежде всего в том, что бытие как процесс, как непрерывно являемая истина означает просто Ничто. В связи с этим приведем высказывание К. Ясперса: «Как же, – пишет он, – осознал Ницше последствия безбожия? Смерть Бога означает, что любое истолкование мира – иллюзия. Ничто не истинно, а все позволено» [10, с. 27]. Традиционная метафизика в своей исторически конституируемой и непрерывно развивающейся сущности потому оказывается изначально нигилизмом того или иного рода, потому именно, что она, согласно М. Хайдеггеру, так или иначе оказывается «фун-

даментальным забвением бытия». Единственный путь действенного преодоления нигилизма, по мнению опять же М. Хайдеггера, – это преодоление «забвения бытия», то есть выход за пределы метафизического мышления, причем в таком направлении, которое позволяет понимать само бытие как становление и как процесс. Именно в связи с этим необходимо выяснить, как следует понимать жизненную стихию и силу, которая не только открывает, но и позволяет основывать совершенно новые ценности. Жизненная стихия и сила имеет свое основание в становлении, которое понимается не в смысле непрерывного и бесконечного изменения, а в смысле универсальной динамики, которая охватывает все сущее и конституирует все многообразие сущего в его бытии, имеющем характер воли-к-власти. Два ключевых выражения определяют метафизику Ницше: «воля-к-власти» и «вечное возвращение того же самого».

Бытие, становление, жизненная сила и воля-к-власти, – эти все слова в языке Ницше нередко оказываются взаимозаменяемыми. В философии Лейбница понятие субъекта в смысле *Ego cogito* распространяется на все сущее в силу динамического характера всех природных вещей, наделенных стремлением (*appetitus*), т. е. волей, которая образует основу динамики как таковой. Все направление новоевропейского мышления направлено на постижение динамического начала в природном порядке всего сущего, и это начало в том или ином плане обнаруживалось как Воля. Поэтому вполне естественно, что Ницше осмысливал бытие в аспекте универсального становления и непрерывной жизненной силы и стихии, постигал бытие прежде всего как волю. Как отмечает М. Хайдеггер, «...воля сама по себе есть уже акт стремления в качестве реализации цели стремления, причем эта цель осознанно и сознательно прилагается не иначе как в понятии, т. е. в качестве чего-то обобщенно-представленного. Воле присуща осознанность. Воля к воле есть высшая и безусловная осознанность рассчитывающего самообеспечения, производимого волевым расчетом... Поэтому ей присуще также всестороннее, постоянное, полное исследование средств, причин, помех, расчетливая замена, эксплуатация целей, обман и маневр, инквизиторская хитрость, вследствие чего воля к воле недоверчива и скрытна даже по отношению к себе и не нацелена ни на что другое, как на обеспечение себя самой в качестве воли».

Бесцельность, причем принципиальная, абсолютной воли к воле есть полнота той сущности воли, которая дала о себе знать в кантовском понятии практического разума как чистой воли. Последняя волит сама себя и есть в качестве воли бытие. Поэтому рассмотренная со стороны содержания чистая воля с ее законом формальна. Она есть сама себе единственное содержание в качестве формы» [7, с. 186].

Воля не постигается в психологических терминах, она не возникает из чувственного стремления к чему-то или хотения чего-либо, поскольку, будучи в основе всего сущего, воля в своей сути метафизична. Бытие понимается как воля, поэтому внутренняя динамика бытия выражается в терминах «воления». Метафизическая сущность воли в том прежде всего заключается, согласно Ницше, что воля всегда стремится повелевать, призывать и вообще господствовать. Но «учение о воле, – как справедливо замечает Ф. Юнгер, – нуждается еще в учении о полномочиях этой воли к власти» [9, с. 143]. Во второй части своей книги «Так говорил Заратустра» Ницше впервые говорит о том, как следует постигать волю к власти: «Но где бы ни находил я живое, везде слышал я и речь о послушании. Все живое есть нечто повинующееся». «Везде, где находил я живое, находил я и волю к власти; и далее в воле служащего находил я волю быть господином. Чтобы сильнейшему служил более слабый – к этому побуждает его воля, которая хочет быть господином над еще более слабым: лишь без этой радости не может он обойтись. И как меньший отдает себя большему, чтобы тот радовался и власть имел над меньшим, – так приносит себя в жертву и больший и из-за власти ставит на доску – жизнь свою» [3, с. 82]. И далее: «Только там, где есть жизнь, есть и воля; но это не воля к жизни, но... воля к власти! Много ценится живущим выше, чем сама жизнь; но и в самой оценке говорит – воля к власти!» [3, с. 83]. Волишь значит стремиться стать господином. Подчиненный тоже хочет стать начальником, чтобы повелевать, чтобы приказывать ниже его стоящим. Воля быть господином придает особый смысл жизни. Она предполагает непрерывное преодоление разного рода препятствий, чтобы осуществлять подавление. Она стремится контролировать любого рода жизненные ситуации, в которых важную роль играет то или иное действие. Быть способным повелевать – это не значит просто командовать и отдавать приказы другим; это значит также способность подчинять себя, подчиняться самому себе ради осуществления намечаемой цели, то есть в самоподчинении ни на минуту не «расслабляться», чтобы быть готовым всегда владеть собой. Если

повелевать значит приказывать и подчинять, то это означает возможность пользоваться и располагать своей собственной властью. Все то, чем воля повелевает, это как раз и есть ее собственное воление. Такова сущность воли к волению как таковому. Имеющий подлинную волю и отдающий приказание, а также контролирующий их исполнение призван также и к тому, чтобы критически и вполне осознанно внимать самому себе.

Приведем, в связи с этим, рассуждение М. Хайдеггера: «Таким образом, – пишет он, – отдающий приказания выше самого себя, поскольку он рискует и сам собой. Приказывать и повелевать – не то же самое, что раздавать команды налево и направо; приказывать значит преодолевать самого себя, – приказывать труднее, чем подчиняться. Волить значит собираться в кулак, предаваясь заданному. Лишь тому, кто не может слушаться самого себя, приходится особо приказывать. К тому, чего волит воля, она не стремится как к таковому, чего у нее еще нет. То, чего воля волит, у нее уже есть. Ибо воля волит свою волю. Свое воление – вот что волит она. Воля превышает сама себя. Итак, воля волит себя как такая, которая возвышается над самою собою, а потому она вынуждена одновременно отставать от самой себя и приводит себя в подчинение себе» [8, с. 189]. Воля в присущем ей волении стремится к постоянному усилению и возрастанию. «Все “задачи”, “цели”, “смысл” только формы, выражения и метаморфозы одной и той же воли, которая присуща всякому процессу: воли к власти. Иметь стремление, цели, намерения, *волю* вообще – это то же самое, что желать стать сильнее, желать расти – и желать *также средств* для этих целей» [2, с. 368].

Воля понимается Ницше как жизненная сила, а постоянное возрастание и размножение есть закон самой жизни. Закон роста предполагает как постоянство, так и развитие, то есть дальнейший рост. Жизненность как таковая всегда достигает определенной степени развертывания, всегда имеет возможные или пробные предпочтения и характеризуется таким постоянством, которое может рассматриваться как своего рода гарантия. Жизнь лишена статичности, однако гарантируемая стабильность и своего рода постоянство имеют жизненный характер только в той мере, в какой они уже преодолеваются внутренней динамикой самой жизни, поскольку она есть становление, преодоление и возрастание. Момент возрастания, который включает в себя элементы постоянства и преодоления, является необходимым для всего жизненного процесса. «Жизнь, согласно Ницше, не есть приспособление внутренних условий к внешним, а воля к власти, которая, действуя изнутри, все больше подчиняет себя и усваивает себе все “внешнее”» [2, с. 373].

В отрывке 689 Ницше пишет: «*Жизнь*, как наиболее знакомая нам форма бытия, представляет специфическую волю к аккумуляции силы: в этом рычаг всех процессов жизни: ничто не хочет сохранить себя, все стремится к тому, чтобы быть суммированным и аккумулярованным.

Жизнь как частный случай (отсюда гипотеза относительно общего характера всего существующего) стремится к *максимуму чувства власти*, в существе своем она есть стремление к большему количеству власти; всякое стремление есть ни что иное, как стремление к власти; эта воля остается самым основным и самым подлинным фактом во всем совершающемся...» [2, с. 381].

Воля не только стремится расширять свое воление в сфере жизни, но и подчиняет себя и тем самым преодолевает действия своего господства. В плане постоянства воля просто упражняет свою силу. В преодолении себя, чтобы быть еще могущественнее, воля движется к еще большей власти. В самой формуле «воля-к-власти» власть выражает тот способ, как воля волит и повелевает, поскольку природа власти – это подчинять и приказывать. Воля к власти призвана одновременно устанавливать как условие для ее сохранения и постоянства, так и условие для преодоления уже достигнутого властью уровня.

В связи с этим примечательно рассуждение М. Хайдеггера, который пишет: «Согласно Шопенгауэру, пессимизм – это вера в то, что в наисквернейшем из миров жизнь не стоит того, чтобы жить, чтобы утверждать ее. По такому учению, и жизнь, и, следовательно, сущее как таковое в целом надлежит отрицать. Такой пессимизм, по Ницше, – “пессимизм слабости”. Для такого повсюду один только мрак, всюду есть причина, чтобы ничего не удавалось; он притягивает к знанию того, как что будет протекать – именно под знаком вездесущей беды и краха. Напротив, пессимизм силы, пессимизм как сила и крепость не строит себе ни малейших иллюзий, видит опасности, не желает ничего затушевывать и подмалевывать. И он насквозь провидит фатальность настороженного бездеятельного ожидания...Он аналитически вторга-

ется в явления, он требует ясного осознания тех условий и сил, которые несмотря ни на что все же позволяют совладать с исторической ситуацией и обеспечат успех.

Более существенно осмысление могло бы показать, что в этом «пессимизме силы», как именует его Ницше, довершается восстание человечества Нового времени – оно восстает в безусловное господство субъективности в рамках субъектности сущего» [8, с. 180–181].

Метафизика воли к власти есть не только переоценка традиционных ценностей, но и девальвация всех прежних. Если бытие понимается как воля к власти и могуществу, то сама эта воля есть основа и сфера всех ценностей. Важно сосредоточиться на том, что Ницше намеревался сказать в третьей книге под заглавием «Принцип новой оценки», которая должна была составить основную часть его будущего трактат «Воля к власти». Ницше планировал здесь, вероятно, детально представить свою собственную совершенно «новую философию». Если воля к власти есть единственная в смысле фундаментальности мысль Ницше, то название третьей книги кое-что могло бы сказать о том, что собственно есть воля к власти, однако при этом вряд ли можно было бы раскрыть в надлежащей степени ее сущность.

Воля к власти есть «принцип новой оценки». Но можно сказать наоборот: быть обоснованным принципом новой оценки – это и есть воля к власти. Что означает тогда «оценка», что означает само слово «ценность»? Само слово «ценность» как специальный термин вошло в широкий оборот во многом благодаря, прежде всего, Ницше. «Если мы ведем здесь речь о ценностной идее в философии, то имеем в виду исключительно метафизику Ницше. “Философией ценностей” в более узком и школьном смысле называет себя на пороге веков направление неокантианства, связанное с именами В. Виндельбанда и Г. Риккерта. Непреходящей заслугой этого направления остается не “философия ценностей”, а та в свое время весомая установка, в которой наперекор наступлению естественнонаучной “психологии” и “биологии” как якобы настоящей и единственной “философии” сохранялся и передавался по традиции еще какой-то след подлинного знания о существе философии и философского вопрошания. Но эта в хорошем смысле “традиционная” установка, опять же, в свою очередь, мешала “философии ценности” продумать идею ценности в ее метафизическом существе, т. е. принять нигилизм действительно всерьез. Надеялись справиться с нигилизмом через возвращение к кантовской философии; это было, однако, лишь ускользанием от нигилизма и отказом заглянуть в прикрываемую им пропасть» [6, с. 96–97]. Именно после Ницше всюду говорят уже о «жизненных ценностях», «культурных ценностях», «религиозных», «моральных», «эстетических» и т. д. Не уделяли при этом особого внимания, направленного на серьезное размышление о содержательном значении и подлинном смысле подобного рода выражений, хотя в этих выражениях имеет место апелляция к тому, что считается основным и даже наиболее высшим.

Для Ницше слово «ценность» имеет важное сущностное значение. Это особенно ясно в подзаголовке к его *Opus Niagnum*, «Воля к власти: Опыт переоценки всех ценностей». Ценность означает условие самой жизни, условие всего живого; она есть само бытие жизни как таковой. В связи с этим Ницше отмечает: «Критика бытия с точки зрения известной ценности представляется чем-то бессмысленным и нелепым. Если предположить даже, что в такой критике мы имеем начало известного процесса разложения жизни, то даже и этот процесс находится все еще на службе у этой воли.

Оценивать само бытие! Но само оценивание есть все еще это самое бытие! – и, говоря нет, мы все еще делаем то, что вытекает из нашей природы» [2, с. 368–369]. А еще ранее он говорил: «Бытие – мы не имеем никакого иного представления о нем, как: “жить”. – Как же может “быть” что-нибудь мертвое?» [2, с. 326].

Согласно Ницше, жизнь означает все то, что есть вообще; все сущее в целом, коль скоро оно есть. Но жизнь в особом смысле означает также и человеческое существование, бытие человека как такового. Сущность жизни вовсе не следует усматривать в «инстинкте самосохранения» и в «борьбе за существование» или «за выживание», – как это утверждала теория эволюции Ч. Дарвина. Жизнь понимается как непрерывное восхождение, как само себя трансцендирующее возвышение. «Рассчитывают на борьбу за существование, – пишет Ницше, – на вымирание слабых существ и на переживание наиболее сильных и наиболее одаренных; следовательно, предполагают *постоянный рост совершенства живых существ*. Мы, наоборот, склоняемся к убеждению, что в борьбе за жизнь случай идет одинаково на пользу как слабым, так и сильным; что хитрость часто с выгодой дополняет силу, что *плодовитость* видов стоит в достопримечательном отношении к *шансам вымирания*» [2, с. 374].

Дарвинизм вообще ничего не говорит о ценности как условии самой жизни. Ценность следует мыслить как условие, способствующее пробуждению, сохранению и возрастанию жизни как таковой. Ценность имеет все то, что возвышает жизнь и бытие в целом. Однако характеристика ценности в смысле «условия жизни» сначала оказывается совершенно неопределенной. Любые существования характеристики как ценности в качестве условия жизни зависят от того, что мы подразумеваем под сущностью жизни. Ницше под этой сущностью понимает возможность восхождения и возвышения жизни, которая всегда имеет способность выходить за пределы своих границ и восходить сверхсебя. В своем возвышении жизнь проектирует высшие свои потенции, и в этой своей динамике она направляет себя к тому, что еще не достигнуто, но должно быть так или иначе осуществлено и достигнуто. Повышение жизни, возвышение ее предполагает стремление к сфере чего-то высшего в плане, прежде всего, смысла и значения, а это возможно только при наличии тех или иных перспектив. Поскольку в жизненной стихии всякое сущее есть повышение жизни, то в силу этого жизнь как таковая имеет непременно перспективный характер.

Подвергая критике веру ученых в то, что они открывают «истинный мир», Ницше подчеркивает, что они упускают в своих построениях самое главное: «... именно необходимый *перспективизм*, с помощью которого всякий центр силы – не только человек – конструирует из себя весь остальной мир, т. е. меряет его своей силой, осязает, формирует... Они позабыли включить в истинное бытие эту *полагающую* перспективы силу, или, говоря школьным языком: бытие в качестве субъекта. Они думают, что это продукт «развития», позднейшее приращение; но ведь уже химик не может обойтись без этого принципа: это именно и есть *специфическое бытие*, способность действовать и реагировать таким-то и таким-то образом, смотря по условиям.

Перспективизм есть только сложная форма специфичности. Я представляю его себе так, что каждое специфическое тело стремится к тому, чтобы овладеть всем пространством, возможно шире распространить свою силу (его воля власти) и оттолкнуть все то, что противится его расширению. Но тело это постоянно наталкивается на такие же стремления других тел и кончает тем, что вступает в соглашение («соединяется») с теми, которые достаточно родственны ему, – таким образом *они вместе составляют тогда заговор, направленный на завоевание власти.* И процесс идет дальше...» [2, с. 351–352]. Перспективный характер жизни согласуется с «ценностями» как условиями жизни. Ценности определяют жизнь перспективно; они в каждом случае обуславливают фундаментальную и перспективную сущность жизни. Здесь вообще не идет речь о жизненной среде обитания животных. «Жизнь», «ценности», «условия жизни», – эти и другие термины получают фундаментальное значение в метафизической мысли Ницше. «Оценка» означает установление и определение тех «перспективных» условий, которые позволяют жизни быть тем, чем она является в действительности, то есть они обеспечивают жизнь гарантией ее возвышения. Новый принцип оценки означает переворачивание всех традиционных оценок, которые, по словам Ницше, имеет платонически-христианскую основу. Эта основа задает человеческой жизни перспективу блаженного пребывания где-то в сфере сверхчувственного, вне земного плана жизни. Только вне земной жизни человек обретает обитель «истинного блаженства», тогда как земной мир – это «юдоль печали и плача». И все же «быть блаженным» – эта возможность сохраняется и при новой оценке, призванной устанавливать различные перспективные условия для жизни как таковой.

Но суть дела не исчерпывается вопросом установления новых условий для человеческой жизни. Следует в одно и то же время определить заново как сущность самой жизни, так и соответствующие этой сущности перспективные условия. Поскольку сущности жизни присуще возвышение и превышение, то все условия, призванные способствовать только инстинкту сохранения, уже не только препятствуют возвышению жизни, но и отрицают возможность всех других ее перспектив. Препятствующие жизни условия никогда не могут быть положительными ценностями вообще. Если бы жизнь понималась традиционно как стремление к самосохранению и если бы в то же время утверждалось, что ради служения тем или иным вещам христианского порядка сущность жизни заключается в ее самовыражении и преодолении всякой греховности, тогда все эти «высшие ценности» не могут быть истинными уже только в силу их противоречивого характера. Вот почему с помощью «новой оценки» необходима «переоценка всех ценностей». По этой причине Ницше планирует создать вторую книгу – «Критика существующих высших ценностей».

Принцип новой оценки призван определить жизнь в ее сущностной основе, а ценности этой жизни суть ее перспективные условия. И такого рода принципом является воля к власти. Тогда жизнь или бытие в целом как раз и есть сама воля к власти и могуществу в ее фундаментальной сущности и основе. В процессе своего становления воля к власти призвана утверждать и устанавливать ценности как условия возрастания жизненной стихии с соответствующим ей искусством и наукой. Казалось бы, что это всего лишь новая терминология, выражающая на самом деле самодостоверность представляющего субъекта классической новоевропейской философии, где воля к власти есть традиционный субъект, а ценности – всего лишь то, что этот субъект полагает и обосновывает в качестве научно обоснованных представлений. Однако все вышесказанное свидетельствует уже как о другом понимании бытия, так и о совершенно ином отношении ко всему сущему. Если бытие постигается как воля к власти, то истина всего сущего оценивается уже в плане справедливости. Согласно Ницше истина в смысле достоверности подлинно обосновывается только в учении о воле к власти, поскольку истина понимается как необходимая ценность. Вот почему Ницше может сказать: «Вопрос о ценностях *фундаментальнее* вопроса о достоверности: последний приобретает серьезное значение лишь при предположении, что разрешен вопрос о ценности» [2, с. 336].

Истина есть ценность как условие сохранения власти, поэтому она есть условие, полагаемое в саму сущность воли к власти. Истина теперь призвана обеспечивать устойчивость всего того контекста, в котором воля к власти волит саму себя. Тем не менее, говорит Ницше, истина не считается ни высшей мерой ценности, ни тем более наивысшей властью. Ценнее истины даже искусство, поскольку оно есть «великое стимулирующее средство жизни». О такого рода повороте, в плане понимания истины, говорит М. Хайдеггер: «Истина сущего в смысле присущей субъектности самодостоверности есть, как достоверность (*certitudo*), в сущности оправдание представления и всего в нем представляемого перед присущей ему самому ясностью. Оправдание же (*justificatio*) – это совершение *justitia*, и тем самым Правосудие. Субъект, будучи субъектом всегда и везде, удостоверяется в самом себе – заручается достоверностью самого себя. Он оправдывает себя перед полагаемыми им же самим притязаниями на справедливость» [8, с. 198].

«Правда, – продолжает М. Хайдеггер, – справедливость – правосудие как ведающее само себя бытие сущего обязано, напротив, выступить перед мыслью метафизики нового времени, как только бытие сущего начинает выявляться как воля к власти. Эта последняя выдает себя как сущностно полагающую ценность, она заручается условиями своего собственного сущностного постоянства и тем самым постоянно становится праведной перед самой собою, будучи в таком становлении правосудием и справедливостью. Собственная сущность воли к власти должна репрезентировать себя в таком правосудии-справедливости и в качестве его, а это значит, если мыслить в духе метафизики Нового времени, – быть. Подобно тому как в метафизике Ницше мысль о ценности фундаментальнее, чем основополагающая мысль о достоверности в метафизике Декарта, – постольку, поскольку достоверность может считаться правой лишь при условии что она будет признаваться высшей ценностью, – то в эпоху, когда вся западная метафизика приходит к своему завершению у Ницше, усмотренное самоудоверение субъектности оказывается оправданием воли к власти в согласии с той справедливостью-праведностью, какая правит в бытии сущего» [8, с. 198–199].

Ницше в своем втором из «несвоевременных размышлений», которое носит название «О пользе и вреде истории для жизни» (1874), в связи с этим же пишет: «Лишь поскольку правдивый человек обладает безусловной решимостью быть справедливым, постольку можно видеть нечто великое в столь бессмысленно всегда восхваляемом стремлении к истине; тогда как для более тупого взора с этим стремлением к истине, имеющим свои корни в справедливости, сливается обыкновенно целый ряд самых разнообразных инстинктов, как-то: любопытство, бегство от скуки, зависть, тщеславие, страсть к игре – инстинкты, которые не имеют ничего общего с истиной». И далее: «Мало кто воистину служит истине, ибо лишь немногие обладают чистою волей быть справедливыми и, из числа последних лишь совсем немногие достаточно сильны, чтобы на деле быть справедливыми. Совершенно недостаточно обладать только волей к истине; и наиболее ужасные страдания выпадают на долю людей, обладающих стремлением к справедливости, но без достаточной силы суждения...» [4, с. 192]. Когда истина и все сущее постигается в терминах справедливости, тогда становится ясно, что сама воля к власти нуждается уже в оправдании. Новоевропейский человек в своем стремле-

нии все подчинять себе и контролировать стремится стать «сверхчеловеком» на основе той действительности, которая определяется волей к власти. Сама эта воля, коль скоро она всегда волит себя, в поисках новых ценностей не столько избегает, сколько намеренно культивирует безумие. Вовсе не так уже и важно, «когда именно, – отмечает М. Фуко, – впервые зазвучал в гордыне Ницше или в униженности Ван Гога голос безумия. Безумие существует лишь как конечный миг творчества – творчество неустанно вытесняет его за свои пределы; *где есть творчество, там нет места безумию*; и однако безумие современно творчеству и творению, ибо кладет начало времени его истины. Миг, когда вместе рождаются и достигают свершения творчество и безумие, есть пролог того времени, в котором мир оказывается подсуден произведению и ответственен за то, чем он является перед его лицом.

Хитрость безумия торжествует вновь; мир, полагающий, будто знает меру безумию, будто находит ему оправдание в психологии, принужден именно перед безумием оправдывать сам себя, ибо в усилиях своих и спорах он соизмеряется с безмерностью творений так, как произведения Ницше, Ван Гога, Арто. И нигде – менее всего в своем познании безумия – он не находит уверенности, что эти творения безумия оправдывают его» [5, с. 524].

Таким образом, воля к власти в поиске новых ценностей всегда присутствует, балансируя на грани безумия, горизонте, задаваемом и творимом ей же самой. Этот поиск движим ею внутренним противоречием – обретения и утраты своей истины. Уполномочивание бытия как воли к власти свидетельствует об экспликации этого бытия, но равным образом и об его утрате. Такого рода отчуждение, как показал Ницше, порождает господство телесной детерминации, в которой правит уже невменяемость, а понятие воли становится более широким в своем динамизме подчиняющим себе мировой порядок на основе утверждаемых ею ценностей. Так называемый телесцентризм, обретающий свою благодатную почву ныне, ведет к новой метафизической перспективе, в которой уже постчеловеческая телесность будет индуцировать иные смысловые детерминанты и ключевые векторы самоопределения «Я».

Список литературы

1. Марков Б. В. Человек, государство и Бог в философии Ницше. СПб. : «Владимир Даль», 2005.
2. Ницше Ф. Воля к власти. Опыт переоценки всех ценностей / пер. с нем. Е. Герцык и др. М. : Культурная Революция, 2005.
3. Ницше Ф. Так говорил Заратустра. Книга для всех и ни для кого // Сочинения : в 2 т. Т. 2. М. : Мысль, 1990.
4. Ницше Ф. О пользе и вреде истории для жизни // Сочинения : в 2 т. Т. 1. М. : Мысль, 1990.
5. Фуко М. История безумия в классическую эпоху. СПб. : «Университ. кн.», 1997.
6. Хайдеггер М. Европейский нигилизм // Время и бытие. М. : «Республика», 1993.
7. Хайдеггер М. Преодоление метафизики // Время и бытие: Статьи и выступления / пер. с нем. М. : «Республика», 1993.
8. Хайдеггер М. Слова Ницше «Бог мертв» // Работы и размышления разных лет / пер. с нем. ; сост., пер., вступ. ст., примеч. А. В. Михайлова. М. : Изд-во «Гнозис», 1993.
9. Юнгер Фридрих Георг. Ницше / пер. с нем. А. В. Михайловского. М. : Праксис, 2001.
10. Ясперс Карл. Ницше. Введение в понимание его философствования. СПб. : «ВЛАДИМИРДАЛЬ», 2004.
11. Fell J. Heidegger and Sartre. An essay on Being and Place. N. Y. : Columbia University Press, 1979.

F. Nietzsche about will to the power and search of new values

T. V. Torubarova

Doctor of philosophical sciences, professor, Moscow State Technical University n. a. N. E. Bauman.
Russia, Moscow; Kursk State University. Russia, Kursk.
E-mail: ttorubarova@rambler.ru

Abstract: In article the essence of "will to the power" of F. Nietzsche as "principle of new assessment" reveals. It is noted that the principle of new assessment is designed to define life in its intrinsic basis, and values of this life – her perspective conditions. If being is understood as will to the power and power, then this will is a basis and the sphere of all values. In such prospect, the author comprehends essence of reality by fundamental measurement of which there is a nihilism eliminating difference between the truth and not true. The truth as value results from the truth having the nature of reliability. It is explained that with the characteristic of the

truth as values the essence of the truth consists already not so much in compliance or coherence, how many in adaptability of each subject to a sample or the standard which is used by a subject which is imposed and dictated by the nature of the subject. The subject providing itself with an existence guarantee owing to thinking initially inherent in him in Nietzsche's metaphysics is understood as universal will according to which the criterion of the truth consists in increase in power. It explains that the will to power in the search for new values is always present at the brink of madness. This search is driven by its internal contradiction – gaining and losing their truth. Empowering being as will to power testifies to the explication of the being, but likewise, and about his loss. The author concludes that this kind of alienation creates the domination of physical determination, in which the rights are already insanity, and the concept will become broader in their dynamism to subdue a world order based on the values approved by it.

Keywords: the will to power; values; nihilism; metaphysics; being; nothing; revaluation.

References

1. Markov B. V. *Chelovek, gosudarstvo i Bog v filosofii Nicshe* [Man, state and God in the philosophy of Nietzsche]. SPb. "Vladimir Dal". 2005.
2. Nietzsche F. *Volya k vlasti. Opyt pereocenki vsekh cennostej* [Will to power. Experience of revaluation of all values] / transl. from Germ. E. Gertsyk, etc. M. Kulturnaya Revolutsiya. 2005.
3. Nietzsche F. *Tak govoril Zaratustra. Kniga dlya vseh i ni dlya kogo* [THUS SPOKE ZARATHUSTRA. A book for everyone and no one] // *Sochineniya: v 2 t. – Works: in 2 vol. Vol. 2. M. Mysl'*. 1990.
4. Nietzsche F. *O pol'ze i vrede istorii dlya zhizni* [On the benefits and dangers of history for life] // *Sochineniya: v 2 t. – Works: in 2 vol. Vol.1. M. Mysl'*. 1990.
5. Foucault M. *Istoriya bezumiya v klassicheskuyu ehphu* [History of madness in the classical age]. SPb. "The University book." 1997.
6. Heidegger M. *Evropejskij nigilizm* [European nihilism] // *Vremya i bytie – Being and Time. M. "Respublika". 1993.*
7. M. Heidegger *Preodolenie metafiziki* [Overcoming of metaphysics] // *Vremya i bytie: Stat'i i vystupleniya – Time and being: Articles and speeches. M. "Respublika". 1993.*
8. Heidegger M. *Slova Nicshe «Bog mertv»* [Words of Nietzsche's "God is dead"] // *Raboty i razmyshleniya raznyh let – Works and reflections of different years / transl. from Germ.: composed., introd. art., notes by A. V. Mikhailov. M. Publishing house "Gnosis". 1993.*
9. Jünger Friedrich Georg *Nicshe* [Nietzsche] / transl. form Germ. by A. V. Mikhailovsky. M. Praxis. 2001.
10. Jaspers Karl. *Nicshe. Vvedenie v ponimanie ego filosofstvovaniya* [Nietzsche. Introduction to the understanding of his philosophizing]. SPb. "VLADIMIRDAL". 2004.
11. Fellj. Heideggerand Sartre. *Anessayon Beingand Place*. N. Y. Columbia University Press, 1979.